



Изъ Подольской старины¹⁾.

V.

Мой приходъ.—Иванковцы Хребтiевскіе, храмъ и священнической домъ.— Помѣщикъ Собанскій.—Его отношенія къ духовенству и крѣпостнымъ.— Быть хребтiевскихъ крестьянъ, нѣкоторые ихъ обычаи.—Хребтiевскіе раскольники; столкновение съ ними.—Уходъ мой въ другой приходъ.



Дерковь села Иванковецъ-Хребтiевскихъ, куда я назначенъ былъ настоятелемъ, какъ и большинство тогдашнихъ сельскихъ церквей, была деревянная, ветхая, маленькая, бывшая униатская.

Къ моему приходу принадлежало еще нѣсколько деревень: Джуржевка, Пилипы, Шурка и Хребтiевъ, упоминаемый въ извѣстной трилогіи Генриха Сенкевича. Всѣ эти деревни находились въ горахъ, недалеко отъ р. Днѣстра и раздѣлены были между собою глубокими оврагами. Въ оврагахъ протекали быстрыя рѣчки, а на нихъ построены были мельницы. Мѣстность отличалась чрезвычайною живописностію, но была очень неудобна для ѣзды. Того и гляди, что, взбираясь или спускаясь по высокой горѣ, ѣдучи ночью съ какой-нибудь требой, попадешь въ оврагъ. Да однажды чуть было и не попалъ.

Помѣщеніе для священника было ветхое, неудобное и мало чѣмъ отличалось отъ обыкновенной крестьянской хаты. Оно находилось въ Хребтiевѣ. Здѣсь когда-то была церковь, но сгорѣла. Преданіе гласило, что спалилъ одну за другою двѣ церкви хребтiевскій помѣщикъ съ тою цѣлю, чтобы воспользоваться церковною землею

¹⁾ См. „Русская Старина“ октябрь 1911 г.

очень хорошою, замѣнивъ ее худшею. И дѣйствительно, въ мое время церковная земля разбросана была клочками, преимущественно на оконечностяхъ около яровъ, подъ лѣсомъ на водоскатахъ.

Вторая церковь сгорѣла въ отсутствіе священника Веселовскаго, который тогда ѣздилъ въ м. Калюсъ на базаръ. Пожаръ произошелъ внутри храма. Но такъ какъ въ церковь въ тотъ день священникъ не ходилъ, то народный голосъ обвинялъ въ поджогѣ помѣщика-поляка, настроившаго, можетъ быть, для того и старосту, какъ своего крѣпостного.

Мои прихожане были люди очень набожные. Зазвонишь, бывало, къ утрени въ 4 часа утра и церковь вскорѣ наполнялась молящимися, стекающимися въ него со всѣхъ приписныхъ деревень. Меня они во всемъ слушались, уважали и даже любили, потому что я умѣлъ отстаивать ихъ интересы предъ помѣщикомъ. При всякой необходимости они охотно шли ко мнѣ на помощь даже безъ просьбы.

Хребтѣевомъ издавна владѣли помѣщики Собанскіе — поляки. Въ мое время жилъ Константинъ Собанскій. Выдающейся чертою характера этого человѣка была скупость. Есть основаніе предполагать, что эта черта воспитана была въ немъ еще родителемъ. По крайней мѣрѣ ихъ бывшій казакъ, занимавшій при мнѣ должность церковнаго старосты, рассказывалъ, что отецъ описываемаго Собанскаго жалѣлъ даже для своихъ дѣтей лишній кусокъ хлѣба. Особенно въ лѣтнее время дѣтскій желудокъ давалъ себя чувствовать. Ъсть хотѣлось, а съѣдобнаго негдѣ было достать, дома не дадутъ. И вотъ часто будущій помѣщикъ, владѣлецъ прекраснаго имѣнія, обращается къ казаку своего отца и между ними происходитъ обычно такой разговоръ:

— Гора (извращенное имя Григорій), ты йивъ, чы ни?

— Ивъ, панычу, хлибъ з'масломъ; мама пислала з'дому, говорить тотъ.

— Дай и мнѣ трохи (не много).

— Боже сохрани, панычу, якъ панъ побачить, буде не тильки мини, но и вамъ.

— Да, дай же, Гора! Я до смерти йісты хѣчу — и онъ чуть не со слезами начиналъ умолять его.

У казака не находилось силъ отказать въ просьбѣ „паныча“, онъ отрѣзывалъ хорошій ломоть хлѣба, намазывалъ масломъ и давалъ ему, говоря при этомъ:

— На-те, панычу; но лѣзьте въ грубу (печь) и тамъ зыісте, щобъ не побачили (увидѣли) чѣсомъ.

Панычъ непрекословно выполнялъ предложеніе Горы. Скоро онъ утолялъ свой голодъ и появлялся на свѣтъ. Для того, чтобы скрыть слѣды преступленія, Гора предлагалъ:

— На-те, панычу, умойтесь, щобъ не пизнали (узнали).

Дочки старика-Собанскаго поступали иначе.

Подвалы ихъ отца ломились отъ громаднаго количества холста, покрывалъ, вереть (налавниковъ), выбитыхъ изъ шерсти. Никто счета имъ не зналъ. Дѣвицы, изыскивая средства утолить свой голодъ, обыкновенно тихонько входили въ кладовыя, захватывали что-нибудь и несли крестьянамъ, а тѣ давали имъ за это хлѣбъ, молоко, сметану съ сыромъ. Дѣвицы эти были жевѣстами, а принуждены были ходить въ простыхъ юбкахъ домашняго холста.

Старикъ Собанскій былъ человекъ по своему времени образованный, имѣлъ обширную библіотеку, но дѣтямъ своимъ не захотѣлъ дать образованія.

Скупость перешла отъ отца къ сыну Константину, а этотъ ничѣмъ не въ лучшихъ условіяхъ держалъ свою собственную семью. Ълъ очень скудно. На ужинъ всегда требовалъ лишь квашеную капусту и печеную картофель. Бывало, если картофель весь не съѣстъ, то приказываетъ лакею оставить его на завтракъ въ слѣдующій день.

Жена Собанскаго, видимо, не могла привыкнуть къ характеру и скардности своего мужа и большею частью въ мое время жила въ Каменцѣ у своей матери. Это, конечно не нравилось Собанскому и тѣмъ болѣе, что проживаніе въ городѣ соединялось съ значительными денежными тратами. На вопросъ: „гдѣ Ваша жена?“ онъ обыкновенно говорилъ съ раздраженіемъ „моя жѣна поѣхала до Камѣнца на пундыки (пирожное, печенье)“.

Собственно для жены Константинъ Собанскій держалъ четверку порядочныхъ лошадей и фазтонъ. Самъ же для поѣздокъ пользовался обыкновенными экономическими лошадьми, которыхъ кормилъ, встати сказать, одной соломой. Лошади были, конечно, безсильныя. Бывало, поѣдетъ онъ въ ближайшее мѣстечко Калюсъ за покупками. Приходилось сначала съѣхать съ горы, а затѣмъ снова подниматься на крутую гору. Безсильныя лошади отказывались служить, никакъ не могли взобраться на гору. Въ Хребтіевѣ жили цыгане,—крѣпостные, имѣвшіе порядочныхъ лошадей. Панъ, видя безпомощность своихъ лошадей, начинаетъ громко кричать: „цыганы, Павлы, давайте коней“. Цыгане, услышавъ знакомый голосъ, догадывались, въ чемъ дѣло, брали своихъ лошадей, запрягали въ шарабанъ, съѣзжали къ пану и везли его въ Калюсъ и обратно. Панскія же лошади возвращались домой налегкѣ.

Не трудно догадаться, что отъ такого помѣщика священнику нечѣмъ было поживиться, хотя онъ и имѣлъ на то законное право.— Императоръ Николай, заботясь о благосостояніи православнаго духовенства, приказывалъ помѣщикамъ давать все необходимое для безбѣднаго существованія своего приходскаго пастыря и церкви. Они должны были, на примѣръ, не только ремонтировать церковь, но, если было необходимо, и вновь сооружать ихъ на свои средства, должны были строить приличные причтовые дома, отводить и обрабатывать, какъ выше было сказано, потребное количество земли. Собанскому все это было, конечно, извѣстно, но онъ по своей скупости игнорировалъ своими обязанностями въ этомъ отношеніи и для побужденія къ исполненію ихъ, поэтому, заставлялъ прибѣгать къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Правда, какъ истый полякъ, онъ очень любезно принималъ меня, словесно готовъ былъ выполнить всѣ мои нужды, но на дѣлѣ было иначе. На примѣръ, идетъ весна, а у меня поле не вспахано. Являюсь къ помѣщику, прошу поскорѣе дать рабочихъ. Внимательно выслушавъ меня, онъ пишетъ цидулку своему эконому Сваричевскому старику—тоже поляку, въ такомъ родѣ: „для парѣха моего Сваричевскій зрѣть то и то“—перечисляетъ все, о чемъ я его просилъ въ данное время. Представляю записку Сваричевскому. Жду, жду, нѣтъ исполненія просимаго. Нужно было такимъ образомъ настойчиво просить разъ пять, чтобы сдѣлали необходимое.—Помнится такой случай. Весна. Вездѣ идетъ посадка въ огородахъ, а у меня и огородъ не обгороженъ, такъ что свиньи свободно ходятъ въ немъ, мало того даже и частоколь еще не привезенъ. Своихъ средствъ не имѣю и потому обращаюсь къ эконому. Прошу его. По обыкновенію ни отвѣта, ни привѣта. Уже пятая недѣля великаго поста идетъ. Разъ читаю молитвы предъ литургіею преждеосвященныхъ даровъ, приходитъ жена и съ сердцемъ говоритъ мнѣ: „всѣ люди обсѣяли огороды, а у насъ и огорожи нѣтъ, свиньи свободно ходятъ и разрываютъ землю“. Выслушалъ жену и отправился служить въ церковь. Кончилась служба. Утренняя досада не прошла, и я, проходя мимо жилища эконома, зашелъ къ нему, чтобы лично поговорить. И дѣйствительно, поговорилъ основательно... На слѣдующій день все было въ исправности.

Приходилось имѣть счеты съ помѣщикомъ и по другимъ случаямъ. Часто, на примѣръ, скотъ помѣщика „спасалъ“ (вытраивалъ) у меня засѣянные поля. Отводимая батюшкѣ земля какъ-то всегда приходилась вблизи помѣщичьяго выпаса. Парубки—пастухи почти всегда нерадиво относились къ своему дѣлу и, выгнавъ плохо спутанныхъ лошадей, часто шли гулять въ село. Лошади же мало по малу при-

двигались къ батюшкиному овсу и не столько съѣдали его, сколько топтали. Приходилось по ночамъ самому сидѣть и слѣдить и выгонять лошадей, а иногда для острастки и забирать двухъ-трехъ къ себѣ. Но отъ этого толку было мало. Однажды панскія лошади вытоптали все мое поле, засѣянное овсомъ. На этотъ разъ, панъ, узнавши о потравѣ, приказалъ мнѣ выдать 5 или 6 корцевъ овса. Но могло ли это сравняться съ тѣмъ убыткомъ, который нанесенъ мнѣ былъ его лошадьми?..

Съ крестьянами помѣщикъ обращался очень жестоко, за что и былъ ненавидимъ ими. За глаза они не иначе его называли, какъ „собака“, „собко“.

Наказывали крестьянъ за всякую малую провинность, при чемъ не только не разбирали времени, но не считались даже съ настроеніемъ и положеніемъ наказываемаго. Изъ многочисленныхъ фактовъ наказаній упомянемъ о слѣдующихъ. Выгоняли на барщину и беременныхъ женщинъ. По своему положенію онѣ не могли низко наклоняться и тѣмъ болѣе стиснуть и связать снопъ требуемой величины (въ обхватъ онъ долженъ быть 5 четвертей). Экономъ, слѣдящій за работою, конечно, усматриваетъ это и, считая такую женщину нерадивою, приказываетъ наказать ее розгами. „Отаманы“, гонявшіе людей на барщину, не смѣли ослушаться такого безчеловѣчнаго распоряженія, копали обыкновенно яму, клали женщину такъ, чтобы животъ находился въ ямѣ и начинали бить ее по голому тѣлу.

У крестьянъ были плужки простой домашней работы. Гужи къ плугу прикрѣплялись посредствомъ деревянныхъ колецъ (тяжей). Обыкновенно выламывался молоденькій грабъ, парился и крутился въ кольцо. Хлопу оборудовать плугъ приказывали, гдѣ достать матеріалу не указывали: доставай, гдѣ угодно, но панскаго лѣсу не тронь. Одинъ мужичекъ не имѣлъ „тяжей“, а между тѣмъ долженъ былъ выйти на панщину. Онъ пошелъ украдкой въ помѣщичій лѣсъ и вырвалъ два грабка. Кто-то объ этомъ донесъ пану. Что же тотъ дѣлаетъ? Призываетъ виновнаго, а потомъ фельдшера, которому приказываетъ вырвать у мужика два совершенно здоровыхъ зуба. Неискусный дантистъ волочить бѣднаго по комнатѣ. Когда операція наконецъ окончилась, панъ, издѣваясь, спрашиваетъ провинившагося: „А что, больно?“ „А якъ-же!“ „Вотъ такъ и у меня болитъ вслѣдствіе того, что ты вырвалъ два грабчика“, заключаетъ помѣщикъ.

Въ мое время правительство, идя на встрѣчу крѣпостному народу, ограничивало произволъ помѣщиковъ и ихъ служащихъ и въ этомъ смыслѣ разсылало циркуляры и напоминанія. Тѣмъ не менѣе

все оставалось по-прежнему и по крайней мѣрѣ въ Хребтіевѣ пань Сваричевскій не жалѣлъ розогъ и жестоко расправлялся съ неугодившими ему крѣпостными пана. И на этой почвѣ происходили у меня съ экономомъ столкновенія.

Разъ въ Срѣтеньевъ день возвращаюсь отъ Богослуженія изъ Иванковецъ домой. Ёду мимо фольварка, гдѣ жилъ эконокъ. Слышу душу раздирающій крикъ. Смотрю, на подворьѣ онъ самолично производитъ жестокую расправу надъ молоденькой дѣвушкой. Не вытерпѣлъ я, выскочилъ изъ савей и, подбѣжавъ къ Сваричевскому, крикнулъ: „Что ты, бездѣльникъ, дѣлаешь? Имѣешь право что ли на это?“ и съ этими словами вырвалъ изъ его рукъ розгу. По прїѣздѣ домой написалъ бумагу приставу и приложилъ, какъ вещественное доказательство, ту розгу; но никакого отвѣта, конечно, не дождался. Полиція получала отъ помѣщиковъ взятки, иногда очень значительныя, а потому почти всѣ ихъ незаконныя дѣйствія старалась прикрывать и хода жалобамъ большею частію не давала.

Несмотря на запрещенія, помѣщикъ заставлялъ крѣпостныхъ работать часто въ праздничные дни. Вспоминаю такой случай. Былъ Николинъ день. Возвращаюсь изъ Иванковецъ и по пути встрѣчаю массу подводъ съ мѣшками хлѣба. Оказывается, что эконокъ распорядился въ этотъ день, чтобы крестьяне перевезли хлѣбъ изъ Хребтіева въ Бебехи, гдѣ находился винокуренный заводъ пана. Видя въ этомъ поступкѣ пограніе правъ человека и нарушеніе святости праздничнаго дня и глумленіе иновѣрца надъ православными, я вышелъ изъ повозки и воспретилъ везти хлѣбъ дальше. Требованіе мое было настолько настойчиво, что возчиковъ должны были отпустить на праздникъ по домамъ. Паятъ, узнавши объ этомъ, донесъ на меня приставу, а я сдѣлалъ то же и съ своей стороны.

Эксплоатируя трудъ своихъ крѣпостныхъ, помѣщикъ почти нисколько не заботился объ ихъ благосостояніи и даже часто не щадилъ ихъ нравственнаго чувства. Когда Константинъ Собанскій былъ еще молодымъ, то у него существовало *ius primae noctis*, или, какъ по-своему говорили мнѣ прихожане: „пань читалъ выводъ нашимъ молодымъ“. Женихъ и невѣста въ субботу предъ вѣнчаньемъ, которое обыкновенно совершалось въ воскресенье, должны были являться къ пану на поклонъ. Съ музыкантами и дружками они входили во дворъ помѣщика. Панъ приказывалъ дать всѣмъ прибывшимъ водки. Невѣста входила въ покои пана. Начиная играть музыка, поднимались танцы, пѣніе, а въ это время помѣщикъ осуществлялъ свое право надъ беззащитной отъ панскаго произвола жертвой.

Собанскій имѣлъ у себя винокуренный заводъ. Водку свою онъ обыкновенно не отдавалъ жидамъ на откупъ. Не было въ его имѣніяхъ и жидовскихъ шинковъ; но онъ самъ выгодно сбывалъ добываемую водку, заставляя раскупать ее своихъ крѣпостныхъ. Случалась ли у нихъ свадьба, крестины, похороны, парастасъ (поминовенье), они должны были предварительно оповѣстить пана. Послѣдній, судя по состоянію хозяина, назначалъ, на примѣръ, на свадьбу взять одному 150, другому 200 или 100 квартъ. Приѣхавши въ приходъ, я не зналъ о существованіи такого обычая о спаиваніи крестьянъ. Разъ просятъ отправить заупокойную литургію, а затѣмъ зовутъ въ хату отслужить панихиду. Послѣ панихиды просятъ остаться закусить. Я согласился, но былъ не радъ. Посадили меня на почетномъ мѣстѣ за столъ, рядомъ со мною дьячка, далѣе за нимъ размѣстились хозяева, родственники, и началась попойка. На столѣ поставили двѣ или три большихъ миски съ водкой, которыя по мѣрѣ надобности снова наполняли. Водку ложками наливали въ большіе стаканы, которые постоянно наполнялись и переходили изъ рукъ въ руки. Закусывали вареной кислой капустой, кстати сказать, испускавшей страшное зловонье. Имѣла скверный запахъ и неочищенная сивуха. Черезъ нѣсколько времени въ хатѣ непривычному человѣку не возможно было сидѣть за недостаткомъ чистаго воздуха. Голова кружилась. Крестьяне же какъ будто ничего не замѣчали, они только раскраснѣлись, потъ лилъ съ нихъ градомъ, такъ какъ они по своему обыкновенію не снимали своихъ козюховъ и опанчей, а сидѣли въ нихъ. На первый разъ все это произвело на меня очень непріятное, даже тяжелое впечатлѣніе. Я не выдержалъ и, рѣшительно поднявшись изъ-за стола, сказалъ: „Если вы такимъ же образомъ и потомъ будете поминать своихъ родныхъ, то я въ хаты къ вамъ на панихиды больше не пойду“. — Вообще я всѣми доступными мнѣ мѣрами старался искоренить среди своихъ прихожанъ пьянство. Требованіе водки изъ помѣщичьяго склада стало сокращаться. О моихъ дѣйствіяхъ и словахъ, конечно, было доложено Собанскому. Послѣдній, не видя пока ничего убыточнаго для себя отъ моей проповѣди трезвости, лишь замѣтилъ: „То ксенозъ молодой еще; видно, онъ изъ католиковъ“. (Такъ панъ судилъ, вѣроятно, потому что я бороды не имѣлъ, а волосы у меня еще не отросли). Видимо, онъ предполагалъ, что проживу я дольше на приходѣ и по необходимости примирюсь съ господствующимъ зломъ, буду на него смотрѣть сквозь пальцы, а можетъ быть, стану и потворствовать, какъ это дѣлалъ мой предшественникъ. Но онъ ошибся, вслѣдствіе чего еще неоднократно приходилось мнѣ имѣть столкновенія съ паномъ на почвѣ трезвости.

О просвѣщеніи темнаго крестьянства панъ совершенно не заботился. Когда вышло распоряженіе о заведеніи школъ, я просилъ у Собанскаго дать помѣщеніе и средства для нея. Но мои просьбы остались безъ удовлетворенія. Пришлось открыть школу въ домѣ дьячка, который исполнялъ и должность учителя въ ней. Неприученные крестьяне добровольно не отпускали своихъ дѣтей учиться, а приказывать имъ панъ не находилъ нужнымъ. Поэтому приходило въ школу обучаться грамотѣ только лишь два мальчика. Двѣ зимы они занимались, а потомъ школа должна была окончить свое жалкое существованіе.

Помѣщикъ - католикъ къ своимъ православнымъ крѣпостнымъ относился нетерпимо, особенно пани. Это была фанатичная католичка. Однажды у ней явилась мысль завести католическую пропаганду среди православнаго населенія. Для этой цѣли она прежде всего задумала построить въ селѣ каплицу, хотя въ приходѣ, кромѣ помѣщика съ семьєю и эконома, не было ни одного католика. На устройство каплицы необходимо было получить разрѣшеніе отъ епархіальнаго архіерея, къ которому и направлено было ходатайство. Архіерей запросилъ указомъ благочиннаго, есть въ таковой необходимость. Благочинный же, пользовавшійся вспомошествованіемъ матеріальными средствами со стороны Собанскаго, не хотѣлъ производить непріятнаго и могущаго измѣнить хорошія отношенія съ паномъ, послалъ указъ мнѣ для исполненія по нему. Нужно замѣтить, что въ палацѣ Собанскихъ существовала домовая каплица, для которой выдѣлена была небольшая комната. Въ одной изъ стѣнъ ея была ниша, а въ нишѣ была пристроена доска, на которой стояла чаша. Къ этому алтарчику вело нѣсколько ступенекъ. Ниша эта закрывалась створчатыми дверцами.

Помѣщица, узнавъ о предписанномъ мнѣ осмотрѣ и отзывѣ, хотѣла, вѣроятно, расположить меня въ свою пользу и послала три пецы (15 рублей золотомъ). Я, конечно, написалъ то, что было должно. Точно измѣрилъ пространство существующей каплички, описалъ ее и изложилъ свое мнѣніе въ томъ смыслѣ, что при существующемъ числѣ католиковъ, проживающихъ въ Хребтievѣ, не представляется необходимости строить особенную каплицу. Кто былъ особенно радъ такому отзыву, то это прежде всего панъ Собанскій. Онъ благодарилъ меня. „Пріѣдетъ ксендзъ нашъ, говорилъ онъ, давай ему еще 3 рубля, а то и больше“. Въ вознагражденіе мнѣ не поскупился даже дать 5 корцевъ овса.

Во время польскаго возстанія, происходившаго въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія, въ немъ принималъ участіе и Константинъ Собанскій, а равно его два брата и два зятя, изъ которыхъ одинъ

былъ уѣзднымъ исправникомъ гор. Ушицы. Старикъ же держался русской политики. Дѣти и зять, зная убѣжденія отца, скрывали свои темныя дѣлишки, но не настолько умѣло, чтобы тотъ не узналъ о нихъ. И старикъ своеобразно высказалъ имъ свое неудовольствіе. Разъ, какъ передавалъ мнѣ очевидецъ, вышеупомянутый имъ казакъ Гора, старый Собанскій пригласилъ всѣхъ ихъ къ себѣ на обѣдъ. Тѣ, конечно, всѣ собрались. И вотъ во время обѣда онъ сдѣлалъ жгутъ изъ мокраго полотенца и началъ ходить сзади обѣдавшихъ и бить ихъ этимъ жгутомъ по плечамъ. При этомъ страшно бранилъ ихъ, приговаривая: „Чего вы хотите отъ русскаго Царя? Развѣ за Польшей лучше будетъ. Имѣете вы здѣсь земля, состояніе, крестьянъ и хорошо... Чего еще вамъ нужно?“ Гости, поопуская головы, молчали, а по окончаніи оригинальнаго наказанія и выговора за свое поведеніе и образъ мыслей, тотчасъ же вышли изъ-за стола и безъ объясненій поспѣшили по своимъ домамъ.

Вслѣдствіе того, что Константинъ Сабанскій сочувствовалъ и содѣйствовалъ польскому возстанію, что не укрылось отъ полиціи, онъ постоянно находился въ подозрѣніи: за нимъ слѣдили и не давали покоя. Разъ во время Севастопольской войны, его даже вызвали въ Каменецъ¹⁾. По скупости своей онъ нанялъ маленькую комнатку, въ которой нельзя было пройти, а приходилось только лишь сидѣть. Объ этомъ онъ самъ съ прискорбіемъ рассказывалъ и страшно ругалъ полицію, обвиняя ее въ безчеловѣчіи по отношенію къ себѣ. Полицейскихъ чиновъ вообще онъ очень недолюбливалъ и лишь только слышался колокольчикъ, тотчасъ онъ куда-нибудь прятался, приказывая говорить, что его нѣтъ дома. Помѣщенія для прибывающихъ по дѣламъ чиновъ полиціи не давалъ, а потому приставъ и др. лица обыкновенно останавливались у меня. Домикъ священнической былъ маленькій въ двѣ комнаты, и потому эти посѣщенія слишкомъ стѣсняли и меня, а особенно жену, которая тогда была больна чахоткою. Разъ я вышелъ изъ

¹⁾ Сосѣдскій же помѣщикъ Сарнецкій по ничтожному, повидимому, обстоятельству подвергся сильному административному взысканію. Въ его дворѣ, гдѣ-то между дровами валялась чугунная пушка, а другая была перекинута надъ дымовою трубою и употреблялась при копченіи окороковъ. Между тѣмъ одинъ лакей, по имени Якубъ, недовольный за что-то на пана, донесъ на него полиція, говоря, что онъ имѣетъ пушки, и обвиняя въ противоправительственныхъ замыслахъ. По этому доносу былъ произведенъ внезапный обыскъ и въ трубѣ случайно нашлась бутылка, въ которой было закупорено письмо, обнаружившее сношенія Сарнецкаго съ польскими повстанцами. Помѣщикъ этотъ сначала былъ высланъ, кажется, въ Саратовскую губернію, а потомъ по собственной просьбѣ отпущенъ въ Варшаву.

терпѣнія и попросилъ пристава и сопровождавшихъ его удалиться въ другое мѣсто и съ тѣхъ поръ болѣе ихъ уже не принималъ.

Въ числѣ крѣпостныхъ помѣщика Сабанскаго были малороссы, цыгане и „кацапы“—великороссы-раскольники, населявшіе д. Пилицы.

Цыганъ было немного, занимались они большею частью кузнечествомъ и перекупкою лошадей. Барщины они не отправляли потому, что не считались надежными работниками, а должны были только въ лѣтнее рабочее время возить воду на поле для работающихъ тамъ.

Хребтѣевскіе крестьяне-малороссы въ общемъ по тому времени были зажиточны. Многіе наживались отъ продажи аниса, фасоли, луку, которые въ обиліи сѣяли, особенно первый. Урожай аниса по вымолоткѣ продавали за мѣрку (гелетку) по 1 р. 50 к., при чемъ бралось зерно съ половиною. Имѣли достаточно скота, разводили много свиней, которыхъ покупали у нихъ „кацапы“. Многіе занимались охотою. Между хребтѣевскими крестьянами были очень хорошіе охотники и въ томъ числѣ упоминаемый церковный староста Григорій. Уже будучи 80-лѣтнимъ старикомъ, онъ имѣлъ очень вѣрный глазъ. Помню такой случай. Я страдалъ однажды сильными головными болями. Пришлось служить. Церковь низкая, воздуху мало и къ тому же дятель, какъ нарочно, долбитъ на крышѣ тукъ... тукъ... ровно въ мою голову. Староста стоялъ въ пономарнѣ. Я и говорю ему: „староста, прошу Христомъ Богомъ, сгоните птицу, у меня голова болитъ отъ ея туканья“. Староста тотчасъ же вышелъ на церковный погостъ. Здѣсь былъ набросанъ хворостъ, предназначавшійся для загоразиванія. Старикъ выбралъ подлиннѣе хворостину съ тоненькимъ кончикомъ. Дятель все долбитъ. Староста незамѣтно зашелъ и моментально махнулъ хворостиною, но такъ, что перерѣзалъ шейку пернатого плотника. Среди службы я замѣтилъ, что стукъ въ крышу прекратился. Кончилась литургія; справлены требы. Прихожу домой. По обыкновенію заходитъ и староста. Даю ему чарку водки и говорю: „спасибо, что прогнали птицу“. На эти слова онъ вынимаетъ изъ-за пазухи дятла безъ головы и показываетъ мнѣ. „Это что?“ говорю. „А будэ печенэ“ (жаркое) сказалъ онъ и передалъ мнѣ все подробно.

Помню и другой случай. Идетъ литургія оглашенныхъ. Смотрю, по жертвеннику бѣгаетъ и рѣзвится мышь. На меня напалъ страхъ. Думаю: „погрызетъ еще агнецъ и литургіи не на чемъ будетъ служить“. Говорю тихо старостѣ: „прогони мышь“. Староста, несмотря на то, что былъ въ каракатахъ (грубая кожанная обувь безъ голенищъ), тихо идетъ по престолу къ жертвеннику, припоровливается... хватъ... и поймалъ мышь.

Самъ онъ рассказывалъ о такомъ происшествіи изъ своей охотничьей жизни. Кругомъ Хреbtіева были густые лѣса, въ которыхъ водилось множество козъ, а особенно волковъ. Въ лѣсу была помѣщичья поляна, гдѣ стояла скирда соломы. „Вышелъ я на охоту,—говорилъ онъ—и чтобы выждать удобное время, влѣзь на скирду, вложилъ ноги въ солому и лежу, накрывшись кожухомъ. Черезъ нѣсколько времени смотрю, бѣжитъ изъ лѣса волкъ и прямо на меня. Я лежу тихо; ружье находится около меня. Волкъ подбѣжалъ къ скирдѣ, понюхалъ воздухъ и вскочилъ на скирду съ низкой стороны. Затѣмъ покружился, покружился и легъ на мои ноги. Что тутъ дѣлать? Шелохнуться, высвободить ноги нельзя, волкъ можетъ меня заѣсть, но и лежать такъ въ одномъ положеніи съ отерпшими ногами нѣтъ возможности. Наконецъ волкъ засыпаетъ, слышится его храпъ. Тогда я помаленьку высвободилъ ногу и съ силою толкнулъ волка такъ, что у него только ноги мелькнули въ воздухѣ. Моментально затѣмъ схватилъ я ружье и почти безъ прицѣла выпалилъ и попалъ въ звѣря. Потомъ соскочилъ со скирды и прикладомъ добилъ его“. Рассказывалъ онъ и еще о многихъ своихъ походахъ.

Жили хреbtіевцы очень умѣренно. Любимымъ и господствующимъ кушаньемъ ихъ была мамалыга, блюдо, приготовленное изъ заваренной кипяткомъ кукурузной муки. Въ качествѣ приправы къ мамалыгѣ употреблялось молоко, конопляное масло, огурцы, картофель. Кусокъ этого тѣста, завернутый въ скатерть, постоянно былъ на столѣ. Къ краю скатерти привязана была тесемочка. Особенно въ страдную пору, когда взрослыхъ дома нѣтъ, ребенокъ, побѣгавши и проголодавшись, подходитъ къ столу, тянетъ за шнурокъ скатерть, открываетъ мамалыгу, отламываетъ кусокъ ея, ѣстъ, а потомъ опять въ бѣга.

Замѣчательно, что мои прихожане не курили табаку, въ чемъ всего вѣроятнѣе сказалося вліяніе сосѣдей-раскольниковъ. Но зато у нихъ существовало не мало другихъ такихъ обычаевъ и привычекъ, съ которыми приходилось бороться. Упомяну о такъ называемой „Маланкѣ“. Въ Малороссіи и до настоящаго времени существуетъ обычай колдовать на святкахъ. Наканунѣ Новаго Года ходятъ еще съ „Маланкой“. Но въ мое время „Маланка“ имѣла очень неприличный характеръ. Обыкновенно ходило шесть человѣкъ парубковъ, изъ которыхъ трое переряживались въ женскіе костюмы. Одна пара представляла цыганъ, другая—евреевъ, а третья—нищихъ (старцівъ). Компанія эта ходила по хатамъ, гдѣ ихъ поили водкою, пѣла неприличныя пѣсни и давала представленія такого грубаго и неприличнаго содержанія, что о нихъ не-

удобно и говорить. Народъ сознавалъ, пожалуй, неприличіе этого обычая, но безъ внѣшняго вмѣшательства не могъ покончить съ нимъ. Въ день Богоявленія участвовавшіе въ „Маланкѣ“ хлопцы, чтобы, такъ сказать, смыть свой грѣхъ во время чина водоосвященія на рѣкѣ, предварительно сдѣлавши особую прорубь ниже по теченію рѣки, бросались въ воду въ тотъ моментъ, когда погружался св. крестъ и пѣлся тропарь: „Во Іорданѣ крещающуся“. Потомъ моментально выскакивали изъ воды, набрасывали на голое тѣло кожухи и ѣхали домой. Для многихъ это купанье не проходило даромъ, а оставляло слѣды на здоровьѣ, нѣкоторые, поболѣвъ немного, умирали. Сильно я боролся съ описаннымъ некрасивымъ обычаемъ и подъ конецъ достигъ своего. Къ сожалѣнію, послѣ моего ухода онъ снова возобновился, какъ передавали. И не удивительно. „Маланка“, какъ можно судить по пѣснямъ, которыя поются при ней, вышла изъ Бессарабіи, изъ-за Днѣстра по близости и по подражанію, и по прежнимъ воспоминаніямъ хлопцы могли возвратиться къ нему.

Изъ другихъ обычаевъ хребтіевцевъ можно указать на то, что молодой послѣ вѣнца сидѣлъ за обѣденнымъ столомъ въ шапкѣ. „То князь“, говорили мнѣ въ объясненіе. Но что всего страннѣе— на мертваго мужчину надѣвали шапку и такимъ образомъ вносили въ церковь. Этотъ обычай я скоро вывелъ.

Разъ лѣтомъ прихожу на сѣнокосъ. Замѣчаю, что при приближеніи моемъ значительная кучка парубковъ вдругъ разсѣялась. Это меня заинтересовало, и я спросилъ: „въ чемъ дѣло?“ Одинъ пожилой крестьянинъ объяснилъ мнѣ, что происходила „фривовка“— посвященіе молодого парубка, выходящаго первый разъ на сѣнокосъ, въ косари и побоялись, что батюшка будетъ „ганьбыть“ (бранить) ихъ. Я попросилъ не смущаться и продолжать прерванную церемонію. Состояла она въ слѣдующемъ.

Посвящаемый выставялъ нѣсколько „окъ“—штофовъ водки. Хлопцы выбирали изъ своей среды распорядителя, который садился на воткнутую въ землю остриемъ конусообразную деревянную посудину, „кушку“, въ которой обыкновенно держалась вода и брусокъ для оттачиванія косы. На капелюхъ (соломенная шляпа) распорядителя надѣвали сдѣланный изъ зеленой травы вѣнокъ. Въ рукахъ его былъ молотокъ (на подобіе креста), обцѣпленный колючею сорною травою. Посвящаемый подводился къ распорядителю, кланялся ему въ ноги, а потомъ цѣловалъ этотъ импровизированный крестъ и, конечно, сильно кололъ лицо. Въ это время остальные хлопцы сильно звонили лопатками въ косы. Затѣмъ распорядитель поднимался со своего сѣдалища и ударялъ посвящаемого лопаткою по

плечамъ. Этимъ и закончилось посвященіе. Потомъ распивали „могарычъ“. На другой день приходитъ ко мнѣ отецъ посвященнаго въ косари, кланяется и благодарить. „За что?“ спрашиваю. „А какъ же, моему хлопцу пришлось, благодаря вамъ, батюшка, не такъ, какъ другимъ“. Оказалось, что описанная церемонія заканчивалась тѣмъ, что посвящаемаго раскладывали на полянѣ и каждый изъ присутствующихъ могъ бить его лопаткой.

Кацапы-великороссы въ Хребтіевѣ считались наиболѣе зажиточными, какъ народъ трезвый и болѣе предприимчивый, да къ тому же и барщина ихъ была легче, такъ какъ они почему-то привлекались только къ косьбѣ травы и яровыхъ хлѣбовъ и освобождались отъ жнива. Въ мое время, впрочемъ, и кацапы обѣднѣли и вотъ почему. Въ Севастопольскую войну всѣ взрослые, понакупивъ себѣ крѣпкихъ лошадокъ, отправились въ Крымъ заработать извозомъ, подвозя провіантъ, перевозя раненыхъ и т. п. Но случилась ненастная осень, дороги сдѣлались невозможными для ѣзды. Вслѣдствіе этого хребтіевскіе кацапы потеряли тамъ своихъ лошадей и пришли домой ни съ чѣмъ, съ одними „батижками“ (кнутами) и долго не могли вполнѣ оправиться.

„Кацапы“ были старообрядцы и имѣли свою часовню съ куполомъ и колокольной. Часовня была очень ветхая и покрыта соломою. Однажды, проѣзжая мимо этой часовни на сѣнокосъ, я замѣтилъ, что она была починена, т. е. въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оказалась новая солома на крышѣ и торчали новыя стропила. Въ виду, того что епархіальное начальство строго предписало намъ слѣдить за старообрядческими часовнями, не позволять имъ ремонтировать ихъ, а стараться закрывать обветшавшіе молитвенные дома, и я долженъ былъ донести о самовольномъ ремонтѣ часовни начальству.

Правду сказать, дѣлать мнѣ этого очень не хотѣлось, какъ по внутреннему своему убѣжденію, такъ и изъ боязни вооружить противъ себя раскольниковъ, съ которыми я находился въ добрососѣдскихъ отношеніяхъ. Долго я колебался, но боясь обвиненія въ неповиновеніи распоряженіямъ и строгаго наказанія за это (нужно помнить, что времена были тогда суровыя и съ нашимъ братомъ, простымъ сельскимъ попомъ, не церемонились) рѣшилъ донести о ремонтѣ по начальству. Въ скоромъ времени въ сосѣднемъ приходѣ, Песцѣ, преосв. Евсеій освящалъ церковь. Въ числѣ сослужащихъ ему священниковъ назначили и меня. Я заготовилъ репортъ о ремонтѣ старообрядческой часовни, предъ обѣдней посоветовался съ благочиннымъ, а потомъ, когда архіерей вышелъ отъ богослуженія, подалъ ему этотъ репортъ. Архіерей, по обыкновенію, съ благочиннымъ пошелъ пить чай къ священнику, а мы

остались на дворѣ, ожидая распоряженій. Тогда было не въ обычаѣ попросту, совмѣстно трапезовать съ архіереемъ да еще такимъ чваннымъ и высококомѣрнымъ, какъ Евсеvій: послѣ чая и закуски, проходя мимо и другихъ чиновъ къ своей каретѣ, преосвященный сказалъ: „скоро будете имѣть дѣло“ и указалъ на меня.

Какъ я предполагалъ, такъ и сбылось. Раскольники, узнавши о моемъ доносѣ, страшно разсердились на меня и начали мстить. Однажды съ пастбища одна лошадь пришла съ надрѣзаннымъ ухомъ, въ другой разъ у лошади отрѣзанъ былъ хвостъ. Разъ пытались они украсть пару лошадей моихъ, но, благодаря тому, что онѣ хорошо были спутаны, это имъ не удалось. Опасаясь чего-либо болѣе серьезнаго со стороны недовольныхъ старообрядцевъ и въ виду многихъ неудобствъ своего прихода, я перешелъ на другой приходъ въ село Матвейковцы.

В. Сл. и Ѳ. Ф—ко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

